

Марков Евгений Львович

Учебные годы старого барчука

**Рассказы из прошлого Евгения
Маркова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Е14

Е14 **Евгений Львович М.**
Учебные годы старого барчука: Рассказы из прошлого Евгения Маркова / Марков Евгений
Львович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 688 с.

ISBN 978-5-519-95480-8

ISBN 978-5-519-95480-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ АВТОРА.

Очерки, собранные въ этой книгѣ, при полной самостоятельности своей, составляютъ какъ бы естественное продолженіе другихъ моихъ очерковъ болѣе ранняго дѣтства тѣхъ же героевъ деревенской «Семибратки», изданныхъ подъ заглавіемъ «*Барчуки*», и хорошо извѣстныхъ многимъ моимъ читателямъ.

Эти новые рассказы мои, точно также какъ и «*Барчуки*»,—не біографія и не автобіографія въ строгомъ смыслѣ слова, а свободная переработка свободною кистью художника живыхъ и подлинныхъ матеріаловъ давняго былаго въ характерныя картины и типы, какія сложились въ его художественномъ представленіи сквозь поэтическій туманъ невозвратнаго прошлаго,

до сихъ поръ дышащаго на меня бодрящими воспоминаньями дѣтской удали, дѣтскихъ шалостей, дѣтскаго горя, любви и радости...

Въ разсказахъ этихъ, навѣрное, многое покажется грубымъ и дикимъ современному читателю и даже современному школьнику, незнакомымъ съ нравами той давно протекавшей эпохи. Но я могу увѣрить ихъ, что всѣ герои этихъ эпическихъ школьных подвиговъ,—и я, и сверстники мои, никогда не вспоминали иначе какъ съ добродушнымъ смѣхомъ, а гораздо чаще съ сердечнымъ расположеніемъ тѣхъ своихъ чудаковъ-учителей и надзирателей-притѣснителей, съ которыми вели когда-то непрерывную ребяческую войну и надъ которыми продѣлывали свои мальчишескія проказы, нарисованныя съ полною откровенностью, во всей безпритязательной правдѣ своей,—въ предлагаемыхъ очеркахъ....

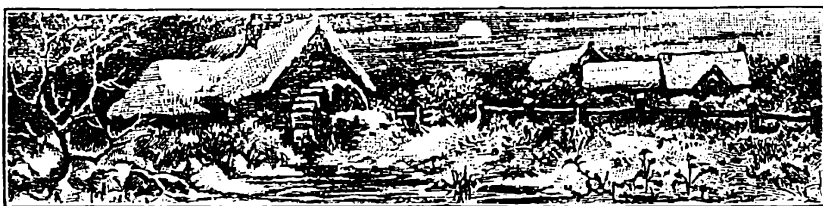
Евгеній Марковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
О т ъ а в т о р а	
1. Баринъ	1
2. Сборы въ дорогу	33
3. Путешествіе на своихъ	68
4. Первое знакомство	97
5. Экзамены	119
6. Во чревѣ китовомъ	156
7. Турниръ на двуногихъ коняхъ	183
8. Иванъ Николаичъ	215
9. Пансіонская больница	253
10. Классная война	294
11. Четвертый классъ	329
12. Исторія и Географія	354
13. Классическое образованіе	389
14. Князь и генералъ	435
15. Говѣнье	482
16. Лунатикъ	532
17. Героическій день	560
18. Отлётъ на родину	624

1. Баринъ.

Бывало, ты въ окружности
Одинъ, какъ солнце на небѣ;
Твои деревни скромныя,
Твои лѣса дремучіе,
Твои поля кругомъ!

Некрасовъ.

Отецъ мой, Андрей Ѳедоровичъ Шараповъ, былъ хорошій человѣкъ, и, кажется, его поминаютъ добромъ. Хотя я многіе годы сряду называлъ его „папенькой“, однако всегда подзрѣвалъ въ этомъ словѣ какую-то противоестественность и какую-то обмолвку. Да, признаюсь вамъ, читатель, невозможно было переварить сочетаніе такого ласкательнаго и уменьшительнаго имени съ тѣмъ грознымъ и грузнымъ существомъ, къ которому приходилось его прилагать.

Люди называли его не папенькой, а „баринѣ“, и—представьте себѣ—мнѣ, въ те-

ченіе всего моего дѣтства, постоянно казалось, что отецъ мой именно „баринъ“ — и ничто другое.

По крайней мѣрѣ, въ моихъ глазахъ и до сего дня понятіе о „баринѣ“ тождественно съ представленіемъ моего отца, такъ что при одномъ звукѣ этого слова, въ воображеніи моемъ невольно рисуются знакомыя властительныя черты.

Видъ моего отца былъ характерный. Онъ былъ не очень большаго роста, но очень плотный, очень тяжелый на ногу и богатырски сильный. Гдѣ онъ находился, тамъ все было наполнено его особою. Не замѣтить его, не признать его—было невозможно ни въ какихъ обстоятельствахъ. Словно все существо его было исполнено какой-то постоянной къ себѣ требовательности, какихъ-то громогласныхъ и нетерпѣливыхъ заявленій о себѣ. Словно оно сознавало вездѣ и во всемъ свое центральное, господствующее значеніе, подобное значенію солнца въ системѣ міровъ, и на всѣхъ остальныхъ людей смотрѣло только какъ на обращающійся вокругъ него хоръ болѣе или менѣе мелкихъ и зависимыхъ спутниковъ.

Даже если отецъ мой дѣлалъ только нѣсколько шаговъ изъ своего кабинета, то уже весь нашъ большой деревенскій домъ переполнялся безцеремоннымъ шумомъ его бар-

скихъ шаговъ, и въ самыхъ далекихъ комнатахъ и старъ, и малъ знали и чувствовали, съ встревоженнымъ сердцемъ, что баринъ вышелъ... Когда же онъ являлся по утрамъ,— въ своемъ бухарскомъ халатѣ, съ длинною трубкою въ рукахъ и въ торжковскихъ сафьянныхъ сапогахъ, по-татарски расшитыхъ золотомъ и разноцвѣтными шелками, на балконѣ надворной стороны, то уже не только обитатели хоромъ, а даже лошади въ конюшняхъ и заводскихъ денникахъ вздрагивали всѣми жилками отъ гнѣвнаго барскаго голоса, который начиналъ трубить свою грозную хозяйскую зорю по всѣмъ угламъ нашей обширной усадьбы...

Да, это несомнѣнно былъ баринъ, какихъ теперь уже не найдешь,—подлинный баринъ 96-й пробы, съ настоящею барскою поступью, настоящимъ барскимъ голосомъ, настоящимъ взглядомъ барина...

Не завидоваль я, бывало, бѣднымъ кучерамъ, скотникамъ, ключникамъ и приказчикамъ, которые въ роковой утренней часъ барскаго пробужденія попадались на глаза суровому владыкѣ съ какимъ-нибудь дѣломъ, а еще хуже—безъ дѣла, среди двора. Довольно, если они чувствовали только половину того страха, который чувствовалъ я къ этой осадистой пузатой фигурѣ, сверкавшей на нихъ своими, неуходившимися до старости лѣтъ,

черными какъ уголь, горячими какъ огонь, вѣчно гнѣвными, вѣчно взыскательными глазами... Черные какъ смоль усы свирѣпаго вида, по-военному загнутые кверху, черный повелительный чубъ, высоко торчащій надъ зачесанными къ глазамъ черными висками, и темный бронзовый цвѣтъ лица, котораго характерныя морщины были врѣзаны глубоко и прочно, словно и взаправду были вылиты изъ какого-нибудь тяжелаго металла, производили впечатлѣніе до такой степени цѣльное и полное, такъ гармонировали и со всею этою властительною, тяжеловѣсною фигуροю, и съ этимъ нарядомъ восточнаго деспота, и съ угрожающимъ громомъ этого голоса, съ гнѣвными молніями этихъ глазъ, что самыя крѣпкіе нервы приходили въ невольное содроганіе.

О, это былъ воистину баринъ, грозный баринъ!... Я нисколько не удивлялся подслушаннымъ разсказамъ моихъ дядей о томъ, какъ на дворянскихъ выборахъ отецъ мой схватился спорить за что-то съ губернскимъ предводителемъ, и какъ они оба кричали до того, что предводитель, человекъ тучный и болѣе нервный, грохнулся безъ чувствъ на полъ, будучи не въ силахъ перекричать и переспорить моего папеньку.

Я только удивлялся неосторожности и глупой дерзости бѣднаго предводителя, который позволилъ себѣ вообразить, что такой

грозный баринъ, какъ мой папенька, могъ уступить кому -нибудь, когда -нибудь и въ чемъ-нибудь... Нѣтъ. Онъ былъ всегда правъ, а другіе были всегда передъ нимъ виноваты. Даже когда, бывало, при своихъ немного неуклюжихъ и безцеремонныхъ движеніяхъ, онъ пребольно отдавить своей чугунной ступней ногу матери или кому-нибудь изъ насъ, онъ никогда не признаетъ ни своей неловкости, ни своей вины, и ужъ, конечно, и не подумаетъ извиниться...

— Вѣчно вы подъ ноги попадаетесь! терпѣть этого не могу! — гнѣвно крикнетъ онъ при этомъ, оглушая несчастнаго, у котораго брызнули слезы изъ глазъ отъ нестерпимой боли, но которому уже, конечно, не до жалобъ теперь и не до слезъ. И всякій радъ, если этимъ только окончится, если съ него не взыщется больше за его неловкость...

Шумливость существованія „барина“ доходила до того, что даже часы сна или молчаливой кабинетной работы не обходились у него безъ шума.

То вдругъ раздается изъ далекаго кабинета какое-то недовольное, глухое ворчаніе невыспавшагося медвѣдя, — всѣ домашніе знаютъ, что это баринъ изволить разсуждать вполголоса самъ съ собою. То баринъ вдругъ такъ чихнетъ на своемъ креслѣ, что у другого отъ такого чиханья выскочили бы черезъ

глотку всѣ внутренности, — такъ и вздрогнуть всѣ при этомъ неожиданномъ рѣзкомъ: „брысь!“ ... Даже на подсвѣчникахъ легонько зазвенять хрустальныя подвѣсочки...

Маленькія дѣти въ дѣтской иной разъ крикъ поднимаютъ отъ испуга.

А ужъ когда баринъ почиваетъ на диванѣ въ своемъ кабинетѣ послѣ обѣда, то описать нельзя того могучаго и разнообразнаго храпа, который залпами вырывается оттуда...

Не знаю ужъ, чего въ немъ не слышится тогда! И ревъ, и рычанье, и свистъ, и перекаты какого-то колокольца... Непривычному человеку дѣлается просто жутко отъ этого чудовищнаго храпа, то ниспадающаго до тихаго стона, то разрастающагося до угрожающаго рева. Богатырскія легкія чугунной барской груди раздуваются при этомъ, точно кузнечные мѣха, такъ что даже притворенныя половинки маленькой орѣховой двери понемножку бьютъ тактъ этому могучему дыханію сна, поочередно то пріотворяясь, то запираясь сами собою отъ мѣрнаго потрясенія воздуха...

Отцу моему возможно было жить только въ деревнѣ, потому что, какъ я думаю, онъ не могъ бы перенести обстановки, гдѣ не онъ единый владыка и повелитель, гдѣ многого нельзя дѣлать по-своему, а необходимо дѣлать по чужимъ вкусамъ и требованіямъ.

Какъ гейневскій Атта-Троль, онъ бы бѣ-